

Е.А. ВАРШАВЕР, А.Л. РОЧЕВА, Н.С. ИВАНОВА

СОЦИАЛЬНАЯ КАРТА РАЙОНА

КАК ИНСТРУМЕНТ ГОРОДСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ¹

Urban Studies and Practices Vol.1 #3, 2016, 31-52

<https://doi.org/10.17323/usp13201631-53>

Авторы

Варшавер Евгений Александрович, MA in Sociology, MA in Government, старший научный сотрудник Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС); Российская Федерация, 119571 Москва, просп. Вернадского, 84, корп. 3, оф. 2105.

E-mail: varshavere@gmail.com

Рочева Анна Леонидовна, MA in Sociology, научный сотрудник Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС); Российская Федерация, 119571 Москва, просп. Вернадского, 84, корп. 3, оф. 2105.

E-mail: anna.rocheva@gmail.com

Иванова Наталия Сергеевна, бакалавр международных отношений, научный сотрудник Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС); Российская Федерация, 119571 Москва, просп. Вернадского, 84, корп. 3, оф. 2105.

E-mail: nataliya.ivanova.0709@gmail.com

Аннотация

Методологически слабым местом активно развивающейся в России в последние годы городской антропологии является область анализа данных и формализации выводов по результатам работы. Результаты исследований нередко остаются на уровне текстовых описаний «первого порядка», переход же к аналитическим обобщениям не осуществляется. В статье предложен инструмент, способный разнообразить методологический арсенал городской антропологии. Этот инструмент – социальная карта района. Он был разработан и апробирован в ходе исследования двух окраинных районов Москвы (Капотни и Кунцева), проведенного в 2014–2015 гг. на предмет интеграции мигрантов на локальном уровне по материалам 170 интервью и 86 дневников наблюдения. Социальная карта не является картой в привычном смысле слова, она не связана с территорией, а представляет собой граф, вершинами которого являются типы жителей, общественные пространства и средства коммуникации в районе. Социальная карта демонстрирует, какие типы жителей – «мигрантов» и «местных» – присутствуют в районе, с кем они общаются, какими районными общественными пространствами и средствами коммуникации пользуются. На основе карты была создана интеграционная концепция московского окраинного района и разработана серия интеграционных мероприятий. Социальная карта, таким образом, является одновременно инструментом анализа данных, способом презентации полученных результатов и основой социальной политики. Авторы подробно описывают методологию исследования, полевые и аналитические мероприятия, связанные с созданием социальной карты, демонстрируют саму карту и приводят примеры описания ее элементов. В резюме обсуждаются другие возможные способы использования этого инструмента для городских исследований.

Ключевые слова: городская антропология; методология исследования; исследования районов; социальная карта; граф; интеграция мигрантов

Введение

Городская антропология – особый и активно развивающийся в последние годы в России жанр исследований, которые проводят социологи, антропологи и урбанисты [Бредникова, Запорожец, 2016; Глазков, 2015; Юдин, Павлюткин, 2015; Будина, 2001]. Обычно в фокусе таких исследований находятся городское пространство и его использование, разного рода явления, имеющие место в городе, а также отдельные территории в связи с теми или иными

¹ Статья написана на основании научно-исследовательской работы «Разработка методологических подходов к оценке регулирующего воздействия законодательства в области миграции на основе социологических методов» в рамках государственного задания РАНХиГС на 2016 г.

явлениями. Тексты, создаваемые по результатам исследований, представляют собой описание соответствующих явлений той или иной степени насыщенности (*thickness*) [Geertz, 1973]. Особенностью этой традиции, частично связанной с ее теоретическими основаниями, является нежелание авторов редуцировать сложность описанного в работе мира до четких выводов, в результате чего результатом исследования, образно говоря, нередко является текст статьи сам по себе [DeSena, Krase, 2015; Spissu, 2015; Gagné, 2004; Broadway, 1990; Campa, 1990]. Можно также говорить об определенной ограниченности аналитических техник.

Данная статья предлагает дополнить арсенал полевой городской антропологии способом анализа и представления результатов исследования, который получил название «социальная карта района». Карта была создана по результатам социологического исследования, в течение полутора лет осуществлявшегося группой ученых из РАНХиГС. В статье представлена как сама карта, так и детальное описание исследовательских процедур, связанных со сбором, организацией и анализом данных, при помощи которых эта карта была создана.

Результат исследования — социальная карта — является вкладом в описание жизни в московских окраинных районах, до последнего времени рассматривавшихся как *terra incognita*. Описывая московский окраинный район на предмет представленных в нем социальных групп, общественных пространств и средств коммуникации в связи друг с другом, карта проливает свет на детали жизни в таких районах, а также является действенным инструментом для организации практических мероприятий, призванных изменить те или иные структурные компоненты районной жизни, отраженные на карте.

В статье мы сначала указываем на позицию нашей работы в контексте традиции городской антропологии, затем описываем методологию и ход исследовательского проекта, далее представляем социальную карту района, детально рассказывая об отдельных ее элементах, а вслед за этим, в резюме, показываем, каким образом она использовалась для осуществления научно-практических проектов по интеграции мигрантов в московских районах и как ее можно использовать для других задач и описаний, связанных с традицией городской антропологии.

Обзор литературы

Данная статья является попыткой осуществить теоретико-методологический вклад в исследовательскую традицию, известную как городская антропология. В рамках статьи под этим термином мы подразумеваем достаточно расплывчатый корпус текстов, институционально укорененных как в антропологии, так и в социологии, и посвященных тем или иным аспектам городской жизни. Имея более чем столетнюю историю, базируясь на основополагающих работах чикагской школы [Burt, 2005; Парк, 2002; Warner, 1963] и вдохновляясь классическими европейскими социологическими работами, посвященными городу [Зиммель, 2002; Tönnies, 2002; Дюркгейм 1994], в отношении методологии городская антропология прежде всего ориентируется на качественные методы. Эти методы частью разработаны на ниве классической антропологии [Whitehead, 2005], частью связаны уже непосредственно с городской социологической и антропологической традицией [Pardo, Prato, 2016]. Пройдя несколько этапов, городская антропология институционализировалась к 1980-м: появились журналы и конференции, объединившие авторов исследований, работающих по городской тематике в схожем методологическом режиме [Prato, Pardo, 2013]. В настоящий момент городская антропология — это мощная индустрия производства исследований и статей, частью объединенных «левой» повесткой дня [Sanjek, 1990], но куда в большей степени единых в части методологии [Pardo, Prato, 2016].

Изучение явлений в тех или иных относительно четко очерченных локациях — один из ключевых методологических подходов в городской антропологии. Иногда, как в классическом исследовании Уорнера [Warner, 1963], такой локацией может стать небольшой город, иногда исследование может быть посвящено жизни одной улицы [Jacobs, 1961], часто, однако, объектом или контекстом анализа становится городской район [Olson, 1982]. Районные исследования осуществлялись на протяжении всей истории подхода. Одним из первых исследований такого рода стала работа Харви Зорбо, посвященная описанию нескольких районов, расположенных в северной части Чикаго [Zorbaugh, 1983]. Знаковыми исследованиями в десятилетия институционализации направления являются работы Гэри Брана-Шуте и Гэри Филипсена. Брана-Шуте

Социальная карта района

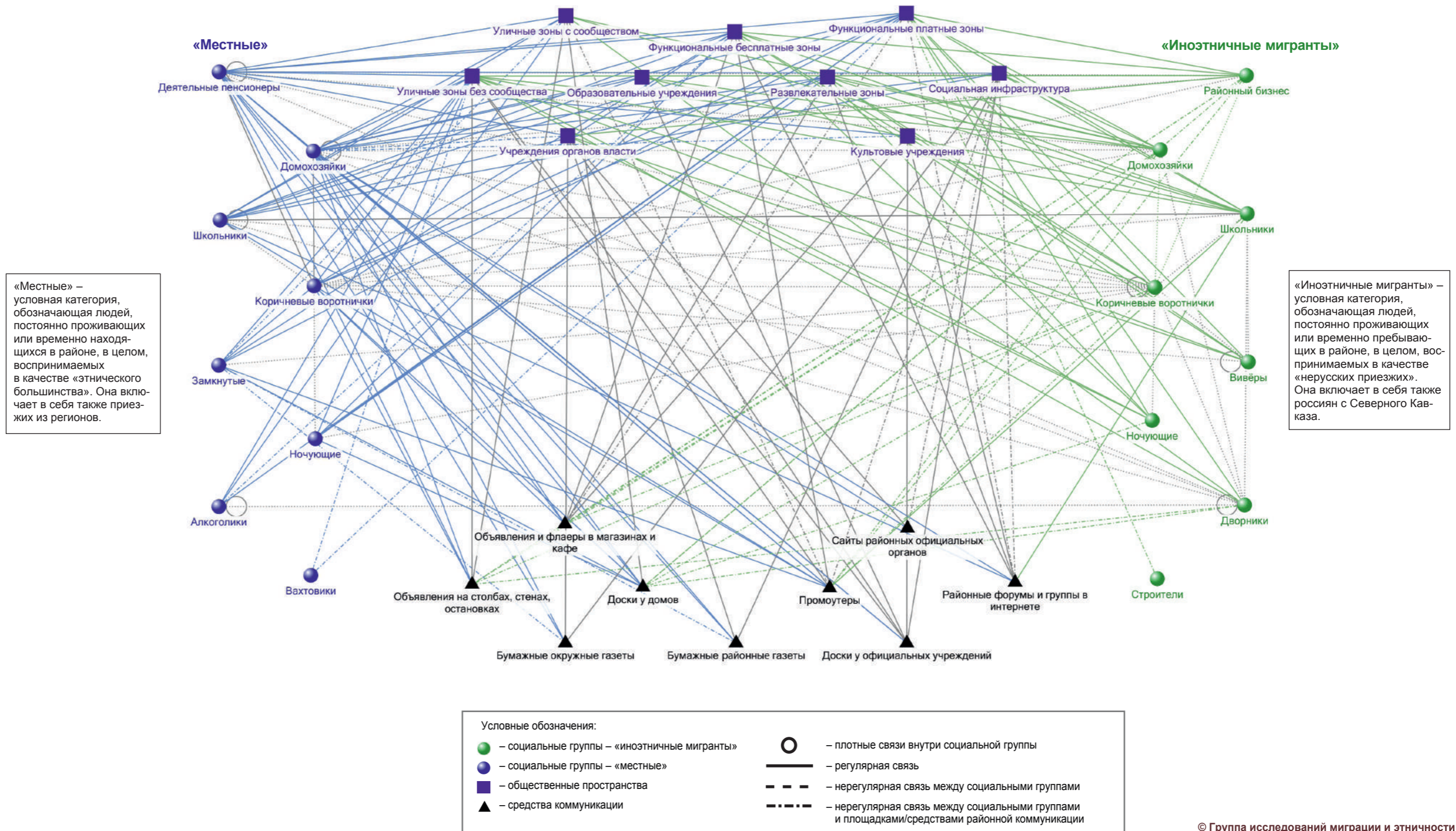

Рис. 2. Социальная карта района

изучал жизнь в креольском районе столицы Суринама Парамарибо [Brana-Shute, 1979], а Филипсен исследовал Тимстервилль — рабочую окраину Чикаго [Philipsen, 1975]. Из современных работ следует отметить текст Иды Суссер [Susser, 2012], посвященный одному из районов Бруклина, а также исследование Джеффри Сколла и Максимилиано Корстанье, в фокусе которого искусство в городских районах, расположенных в Милуоки (США) и Буэнос-Айресе (Аргентина) [Skoll, Korstanje, 2013].

Не будет ошибочным утверждение, согласно которому в основании городской антропологии в значительной степени лежат исследования мигрантов. В частности, классическая чикагская теория о замещении (succession) [Park, 1936] описывает именно мигрантские группы, находящиеся в поиске «экологической ниши». Единицей анализа, изучаемой на предмет изменений, в этой теории является район. Современные же исследования на стыке миграции и городской антропологии районов выполнены зачастую в одной из двух модальностей. Первая модальность — это изучение некоторых характеристик мигрантских групп, проживающих в тех или иных районах. Например, Мин Джоу на примере нью-йоркского Чайна-тауна показывает, как связаны между собой доходы и уровень образования в «этнических анклавах» [Zhou, Logan, 1989], а Кэролин Бреттель на примере Далласа демонстрирует, каким образом в таких районах происходит интеграция мигрантов [Brettell, 2005]. Вторая модальность — это исследование взаимодействия людей разного происхождения в районе. В частности, исследование Кэрин Петерс посвящено смешанным районам в двух голландских городах [Peters, 2011], а Татьяна Матейскова и Хельга Лейтнер изучают отношения мигрантов и немигрантов в Берлине [Matejskova, Leitner, 2011].

Наше исследование, таким образом, во-первых, относится к традиции городской антропологии, во-вторых, фокусируется на процессах, протекающих в городском районе, в-третьих, описывает в этих районах характеристики взаимодействий мигрантов и немигрантов.

Как отмечалось ранее, карта, которой посвящена данная статья, была создана в рамках научно-практического проекта, связанного с интеграцией мигрантов в местных сообществах. Карта стала инструментом создания так называемой интеграционной концепции московского района — совокупности действий, способствующих интеграции иноэтнических мигрантов в районную жизнь. На практике это означает в первую очередь интенсификацию коммуникации с «принимающим» населением [Варшавер, Рочева, 2016]. Однако кто с кем и где должен общаться? Какие группы — мигрантские и немигрантские — есть в районе? Где они пересекаются? Читают ли они объявления? Для создания интеграционной концепции, а также организации интеграционных мероприятий требовались ответы на эти вопросы. Для того, чтобы получить ответы, была создана социальная карта московского окраинного района.

Социальная карта не является картой в привычном смысле слова, не связана с территорией и представляет собой граф², состоящий из трех типов вершин и ненаправленных связей (в том числе «петель»³). Первый тип вершин — это социальные группы, выделяемые по совокупности признаков, второй тип — характерные общественные пространства района, третий тип — средства коммуникации, существующие в районе (доски объявлений, интернет-форумы, газеты и проч.). Связи между группами и общественными пространствами или средствами коммуникации означают, что представители этих групп обычно бывают в рассматриваемых пространствах, а также используют имеющиеся средства коммуникации. Связь между пространством и средством коммуникации означает, что в типичном случае средство коммуникации расположено в этом пространстве (например, доска объявлений часто находится на детской площадке). «Петля» означает, что зафиксирована интенсивная коммуникация между представителями соответствующей социальной группы. Сплошные линии означают наличествующие регулярные связи, пунктирные — нерегулярные связи (например, такой пунктир соединяет домохозяек — мигранток и немигранток, сообщая, что, хотя они встречаются на детской площадке, взаимодействия между ними не происходит). Ниже представлено описание исследования — его контекста, дизайна, методологии и аналитических процедур, — в результате которого карта была создана.

² В разработке этого подхода мы ориентировались на акторно-сетевой подход Б. Латура [Латур, 2014].

³ Петля в сетевом анализе — это ненаправленная связь, соединяющая вершину саму с собой.

Исследование московского района на предмет интеграции мигрантов: полевого дизайн и аналитические процедуры

Цель исследования состояла в создании детального описания окраинного района Москвы. Это описание было создано в результате выделения общего для двух существенно различающихся районов — Кунцева и Капотни. С одной стороны, можно предположить, что таким образом был описан типичный район, с другой, такое описание требует более широкой представленности районов. Можно, следовательно, говорить не об описании типичного района, а о важном шаге на пути к созданию такого описания. Работа была начата в Капотне, имеющей имидж неблагополучного района, а район Кунцево был выбран по контрасту.

Капотня — часть Юго-Восточного административного округа Москвы, Кунцево — часть Западного округа. Капотня — это «анклав», поскольку до ближайшей станции метро нужно добираться на автобусе или маршрутке. Кунцево, напротив, имеет хорошее транспортное сообщение, на его территории расположены две станции метро: «Кунцевская» и «Молодежная». Кроме того, через Кунцевский район проходит железнодорожная ветка с крупным транспортным узлом (железнодорожные станции Кунцево, Рабочий Поселок), от станции метро «Молодежная» отправляются автобусы к подмосковным городам. Различаются районы и по количеству проживающих: население Капотни не превышает 30 тыс., население Кунцевского района составляет 125 тыс. На данный момент в Кунцеве представлена разнообразная инфраструктура, включая большие магазины, учреждения высшего образования и даже контактный зоопарк, в Капотне же представленность подобных учреждений ограничивается ДК, двумя библиотеками, двумя школами, рынком и несколькими кафе. В то же время у двух рассматриваемых районов есть схожие черты. Так, обе территории развивались до 1960-х годов как отдельные и независимые населенные пункты: Кунцево представляло собой подмосковный город с промышленным «ядром» (вокруг нынешней станции Рабочий Поселок) и рекреационно-оздоровительной зоной (Центральная клиническая больница), Капотня формировалась вокруг нефтеперерабатывающего завода. До того на территории районов находились деревни, жители которых, не меняя места жительства, стали москвичами. Кроме того, в позднее советское время оба района пополнились новыми жителями, которых переселяли из коммунальных квартир в центре города.

Эмпирическую базу исследования составили материалы, собранные качественными методами: интервью и наблюдением. В течение полутора лет в двух районах было взято более 170 интервью общей продолжительностью более 3 тыс. минут. Часть интервью была транскрибирована, остальные зафиксированы в дневниках. Гайд интервью включал следующие блоки: 1) социально-демографические характеристики информанта, в том числе миграционный опыт; 2) режим пользования районом (живет или работает на территории района, какой районной инфраструктурой пользуется и как часто, каковы районные маршруты); 3) социальный капитал, связанный с районом (социальные связи в районе, способы их приобретения и поддержания); 4) средства коммуникации, связанные с районом (знает ли районные новости, откуда получает информацию о районе, какие видит в районе проблемы).

Другой использованный метод исследования — включенное наблюдение. Во-первых, в течение в общей сложности трех месяцев исследователи снимали в районах жилье. Во-вторых, проводилось наблюдение в общественных пространствах на предмет того, какие люди там бывают (есть ли сообщество жителей, т.е. знакомых между собой и регулярно встречающихся жителей района) и какие взаимодействия происходят (кто с кем взаимодействует; степень регламентированности взаимодействий; открытость доступа; необходимость денежных отношений). Результаты наблюдения были зафиксированы в 86 дневниках.

Полевая работа в каждом районе была выстроена с учетом его возможной неоднородности как территориальной единицы. Для того чтобы это разнообразие учесть и охватить весь район, полевая работа была организована в разных частях района, а выделение этих частей либо основывалось на существующем делении (как в Капотне, где существуют «кварталы»), либо проводилось исследователями самостоятельно (как в Кунцеве, где исследователи произвольно разделили район на шесть частей). Деление на кварталы или секторы учитывалось при проведении наблюдений и интервью.

Отбор информантов производился в соответствии с принципами теоретической выборки [Strauss, Corbin, 1998], требующими обеспечить разнообразие случаев. Тремя критериями для обеспечения этого разнообразия были пол, возраст и сектор проживания/пребывания в районе. Информацию по каждому опрошенному информанту — его пол, возраст, сектор, занятость, режим пользования районом — исследователи заносили в специальную таблицу и на основе этих данных регулярно подсчитывали выборку.

Таблица 1 демонстрирует пример такого подсчета в первый месяц исследования. После этого подсчета было решено скорректировать исследовательские усилия и в первую очередь искать информантов из тех типов, которые пока не были охвачены исследованием (среди них женщины до 25 лет во втором секторе, мужчины любого возраста в шестом секторе и т.д.).

Таблица 1. Пример расчета для отбора информантов

	1-й сектор		2-й сектор		3-й сектор		4-й сектор		5-й сектор		6-й сектор	
	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж
0–25 лет	0	2	2	0	2	2	0	1	1	1	0	0
26–59 лет	2	1	3	3	7	4	1	3	1	2	0	1
60+	0	2	3	2	1	0	1	2	2	2	0	1
Сделано	5		13		16		16		9		2	
Добрать	7		2		3		5		3		10	

Анализ данных проводился в ходе регулярных встреч исследовательской группы (всего более 50 часов), с использованием элементов метода «Длинный стол»⁴. В процессе исследования, сначала в режиме рукописных черновиков, затем — в программе NodeXL, разработанной для сетевого анализа, была создана сеть района. Карта стала одновременно методом анализа данных и результатом этого анализа.

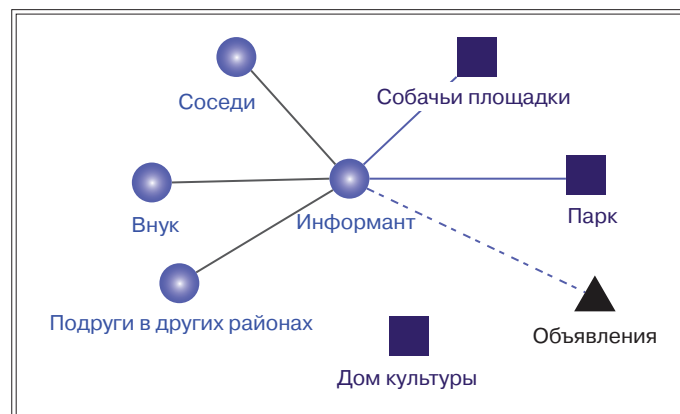

Рис. 1. Пример графа, описывающего эго-сеть информанта

Если несколько формализовать описание процесса создания социальной карты района, можно сказать, что создавалась она в три этапа. На первом этапе на основе интервью и/или наблюдений для каждого информанта создавалась так называемая «эго-сеть» — граф, в центре которого находился сам информант. Кроме того, на этом графе были представлены люди,

4 «Длинный стол» — это методика работы, предполагающая регулярные встречи исследовательской группы для обсуждения хода проекта: от постановки проблемы и теоретических вопросов до методических сложностей и аналитической работы. «Длинный стол» одновременно служит «производству» исследования и исследователя, поскольку предполагает выявление и заполнение лакунов в знаниях, и выполняет функцию «интеллектуальной поддержки» для участников проекта. См.: [Ковалев, Штейнберг, 2009; Шанин, 1998].

с которыми он общается (конкретные или обобщенные до социальных групп), общественные пространства, в которых он бывает, а также средства коммуникации в районе, которыми он пользуется. Например, на *рис. 1* представлена районная эго-сеть одного из информантов — женщины-пенсионерки, которая часто бывает на детских площадках со своей собакой и гуляет в Филёвском парке с внуком. В парке она читает объявления, на собачьих площадках общается с другими собаководами, а кроме того, активно общается с соседями. Таким образом, обозначающая ее вершина соединена связями с двумя другими вершинами, обозначающими жителей — собаководов и соседей, с двумя вершинами, обозначающими районные пространства, где она бывает — парком и собачьими площадками, а также с вершиной, обозначающей объявления в парке. Кроме того, отдельно был обозначен дом культуры, чтобы продемонстрировать отсутствие связи.

На втором этапе на основе созданных эго-сетей конструировались типичные группы жителей, общественные пространства, а также средства коммуникации. Типичные группы выделялись по возрасту, характеристикам занятости, режимам пребывания в районе и проч. Не являясь типологией в чистом виде, эта группировка позволила, балансируя между детализацией и грубостью описания, в целом описать всю совокупность информантов. Особенностью ее создания является использование процедуры, аналогичной кластерному анализу в математической статистике, когда группы создаются на пересечении нескольких характеристик, при этом (в этом отличие от указанного статистического метода) для конструирования каждой следующей группы может использоваться свой, несколько отличающийся, набор факторов. Требование к выделяемым группам, таким образом, состояло, с одной стороны, в том, чтобы по одной или нескольким характеристикам они отличались от других групп, с другой — чтобы эти группы значимым образом присутствовали как в массиве данных, так и в районной жизни.

Типичные общественные пространства были выделены в результате более конвенциональной классификации⁵. Классификация предполагала, во-первых, создание списка всех возможных общественных пространств (это делалось на основе анализа интервью и наблюдений), во-вторых, группировку пространств по характеристикам доступа, степени регламентированности, необходимости денежных расчетов, а также по наличию в них сообществ. В описание типичных пространств были включены типичные группы, их посещающие, типичные практики и режимы посещения, а также типичные средства коммуникации, связанные с этими пространствами.

Типичные средства районной коммуникации — доски объявлений, районные СМИ, интернет-форумы и проч. — также были выделены и сгруппированы на основе наблюдений и интервью (в частности, с целью фиксации средств офлайн-коммуникации исследователи ходили по специальным маршрутам внутри районов). Их описание — это указание на типы информантов, которые ими пользуются, а также — на общественные пространства, связанные с этими средствами коммуникации (например, листовки распространяются на пяточке рядом с метро).

Каждая группа, общественное пространство или средство коммуникации, выделенное в качестве типичного, а также связи между ними проблематизировались в ходе обсуждений, в результате чего несколько раз набор типов претерпевал изменения, равно как и связи между ними.

На третьем этапе создания карты все получившиеся типы (жителей, пространств, средств коммуникации) были загружены в программу NodeXL, и с ее помощью создан граф (*рис. 2* на вклейке между с. 32 и 33). Каждый тип становился вершиной графа, в программе нужно было отметить наличие или отсутствие связи с другими вершинами; если связь присутствовала, она характеризовалась как регулярная или нерегулярная (т.е. выбирался тип линии). Ниже представлено краткое описание каждой вершины, а также примеры детального описания двух групп жителей (мигрантов и немигрантов), одного типа общественных пространств, а также одного типа средств коммуникации.

5 В международной литературе существует ряд классификаций общественных пространств (например, [Carmona, 2010]), однако ни одна из них не удовлетворяла нашим требованиям. Поэтому в ходе исследования была создана отдельная классификация общественных пространств окраинных районов Москвы.

Результаты исследования: социальная карта района и ее описание

Прежде чем перейти к краткому описанию карты, следует еще раз оговориться, что ее основная цель состояла в описании района для дальнейшего проведения интеграционных мероприятий⁶. В связи с этим изначально было принято решение создать две большие и очень условные подгруппы жителей — «иноэтничные мигранты» (далее — «мигранты») и «местные». Эти подгруппы, как следует из названий, были сконструированы на основании пересечения, с одной стороны, миграционного опыта, а с другой — этничности. Так, подгруппа «мигранты» включает иностранных иноэтничных мигрантов и внутренних мигрантов из российских регионов Северного Кавказа, а в подгруппу «местные» попадают представители воспринимаемого «этнического большинства» независимо от их миграционного опыта.

Для выделения типов жителей были важны следующие характеристики: тип занятости, режим пользования районом (в том числе пространствами и средствами коммуникации), районный социальный капитал. На основе анализа эмпирических данных были сформированы 16 типов: восемь типов «мигрантов» и восемь типов «местных».

Кратко охарактеризуем каждый тип, начав с «местных». «Деятельные пенсионеры» (1) — это жители пожилого возраста, хорошо интегрированные в район за счет социального капитала, приобретенного в советское время и поддерживаемого участием в работе учреждений социального и культурного профиля (Совет ветеранов, Дом культуры). Другой тип пожилых жителей, «замкнутые» (2), напротив, в районную жизнь включены слабо, поскольку либо избегают массовой активности, в которую вовлекаются «деятельные пенсионеры», либо увлечены дачей, либо обеспечивают ежедневный уход за тяжелобольным родственником. «Школьники» (3) активно вовлекаются в районную жизнь через образовательные и дворовые институты. Через «детские» институты интегрируются в районы «домохозяйки» (4) — женщины, которые занимаются в основном домашним хозяйством и детьми; они активно обмениваются информацией о доступных в районе детям занятиях и инфраструктуре. «Ночующие» (5), как следует из названия, в районе только ночуют, а работают и проводят досуг вне его границ, набор используемых ими пространств и средств коммуникации минимален, как и районный социальный капитал, в силу чего в район интегрированы очень слабо. «Алкоголики» (6), много времени проводящие на территории района, тем не менее в районную жизнь включены слабо: тесно коммуницируя внутри своих сообществ, они мало общаются с другими жителями. «Коричневые воротнички» (7) — это работники сферы обслуживания, в силу специфики своей деятельности они много общаются с жителями района и выступают своего рода информационными «хабами», собирая и распределяя районную информацию. Практически никак не включены в районную сеть «вахтовики» (8) — русские внутренние мигранты, которые физически находятся на территории района по две недели, но социально и ментально остаются в родном городе, рассматривая Москву лишь как временное место работы, «вынесенное» за рамки своего города.

Другие восемь типов — это «мигранты». «Районные предприниматели» (1) — владельцы малого бизнеса из числа мигрантов — обладают значительным районным социальным капиталом за счет частого общения с разными жителями и давнего проживания на территории района. В отличие от них «дворники» (2), хотя и проводят почти все время на территории района, мало с кем знакомятся, кроме своих коллег. «Школьники-мигранты» (3), как и их «местные» сверстники, включены в районную социальную жизнь через образовательные и дворовые институты. «Коричневые воротнички» (4), работники сферы обслуживания, часто общаются с разными жителями, однако становятся информационными «хабами» прежде всего для других мигрантов. Несмотря на то, что режим пользования районом у домохозяек (5) из числа мигрантов слабо отличается от «русских» домохозяек, в районную жизнь они включены хуже и обладают очень скромным социальным капиталом. «Ночующие» (6) «мигранты» включены в районную жизнь еще слабее, чем «местные», поскольку работают, как правило, еще более интенсивно. Пребывание в районе «строителей» (7) часто ограничено строительной площадкой, где они работают и отдыхают. «Вивёры» (8) — это молодые мигранты, которые не только работают, но

⁶ Именно с этим связано исследование общественных пространств на предмет регламентированности поведения и наличия сообществ, поскольку каждое пространство также исследовалось на предмет возможности проведения там интеграционных практик. Кроме того, именно с этим связано выделение средств коммуникации в районе и паттернов их использования, поскольку это позволило бы сделать приглашение к участию в мероприятиях эффективным. Также с этим связаны основания выделяемых типов и подгрупп жителей.

и стремятся проводить досуг в разных общественных пространствах — в районе проживания или в других районах.

Общественные пространства сгруппированы в девять типов по четырем основаниям (см. *Прил.*). (1) Уличные зоны без сообществ — это пространства, слабо регламентированные в части поведения, не имеющие ограничений в части доступа, автоматически не подразумевающие, что их посетители будут тратить деньги, а также не связанные с определенными сообществами. Среди таких пространств — улицы, парки, бульвары и берега реки. (2) Уличные зоны с сообществами в целом дублируют первый тип, но, как следует из названия, отличаются от него наличием более или менее постоянного сообщества. Примерами этого типа являются детские площадки (сообщество мам и нянь), гаражи (сообщество мужчин-автолюбителей), собачья площадка (сообщество собаководов). (3) Функциональные платные зоны — это пространства, к которым относятся магазины, парикмахерские и ремонтные мастерские, которые в общем случае предполагают, что посетители будут тратить деньги на определенные услуги. (4) Функциональные условно бесплатные зоны не предполагают обязательных целевых трат и в некоторых случаях могут включать разные модусы посещения. К таким зонам относится, например, «Ашан» в районе Кунцево, который используется «школьниками» для тусовок, а «ночующими» для закупок. (5) Социальная инфраструктура — больницы, социальные службы, советы ветеранов — не подразумевает трат, достаточно регламентирована в части поведения, зачастую не имеет ограничений доступа и почти обязательно является «носителем» сообщества. (6) Зоны развлечений за деньги подразумевают обязательные траты, регламентированы, зачастую не имеют ограничений доступа, а также могут содержать, а могут не содержать сообществ. Кроме того, выделяются (7) образовательные учреждения, характеризующиеся особым режимом доступа и наличием сообществ, (8) учреждения органов власти с жестко регламентированным поведением посетителей, а также (9) культурные учреждения, в которых поведение посетителей регламентировано и функционируют сообщества.

Средства коммуникации существуют частью в физическом пространстве, частью — онлайн. Соответственно, создание этой типологии требовало организации «поля» как в самих районах, так и в Интернете. Выделение типов средств коммуникации и их характеристик основывалось на том, какого рода информацию они несут, какого рода коммуникация является нормативной, кто и в каком режиме ими пользуется. На основе этой работы было выделено девять типов средств коммуникации, используемых для передачи информации между жителями района: (1) бумажные районные газеты, (2) бумажные окружные газеты, (3) сайты районных официальных органов, (4) районные форумы и группы в Интернете, (5) промоутеры, (6) объявления на столбах, стенах, остановках, (7) доски объявлений у домов, (8) доски объявлений у официальных учреждений, (9) объявления и флаеры в магазинах и кафе. Официальные районные газеты больше не выходят, зато до сих пор существуют различные районные СМИ, связанные с районными учреждениями или издаваемые активистами. Например, в районе Кунцево есть газета «Молодо-зелено», которую издает ДК «Зодчие». Действенным средством коммуникации являются доски объявлений. Они существуют в двух соревнующихся модальностях — коммуникация власти с населением и коммуникация жителей между собой. В связи с этим дворники регулярно срывают «неофициальные» объявления, жители же взламывают замки на застекленных досках, заменяя их на проволоки. Большой активностью характеризуются форумы и группы в Интернете, зачастую они являются пространством интенсивного взаимодействия домохозяек, а также школьников между собой.

Таким образом, было выделено восемь типов «местных», восемь типов «мигрантов», девять типов общественных пространств и девять типов средств коммуникации. Дальнейшая работа предполагала кропотливое исследование каждой из 665 связей⁷, результатом чего и стала карта. Детальное описание карты — ее вершин и связей — представлено в работе [Варшавер, Рочева, Иванова, 2016], здесь же будут приведены четыре примера подробных описаний вершин и связей, из них исходящих. Из «местных» были выбраны домохозяйки, из «мигрантов» — дворники, из общественных пространств — уличные зоны с сообществом, из средств коммуникации — районная газета.

7 К сожалению, не по каждой связи количество информации было достаточным, и часть связей описана в гипотетическом ключе.

«Местные»: «домохозяйки»

Представители этого типа — местные жительницы, которые заняты домашним хозяйством и воспитанием маленьких детей, — хорошо интегрированы в районную жизнь. Они проводят много времени на территории района, посещают большое число районных общественных пространств и следят за районными новостями через многочисленные средства местной коммуникации. Опосредуют включенность их дети: мамы отводят и забирают детей из детского сада и школы, водят на дополнительные занятия в Дом культуры, гуляют с ними на бульварах, в парках и других зеленых зонах, на детских площадках, посещают кинотеатры и кафе. Вокруг детских площадок, дополнительных занятий и образовательных учреждений формируются сообщества мам-домохозяек, внутри которых происходит интенсивная циркуляция информации: в частности, они активно обмениваются информацией о районной и окружной детской инфраструктуре. Помимо интенсивной коммуникации между собой, представители этого типа регулярно общаются с другими типами жителей — в первую очередь с «деятельными пенсионерами», с которыми они сталкиваются регулярно во дворах, на детских площадках, в учреждениях культуры, а также с «коричневыми воротничками» из числа местных жителей, поскольку активно пользуются районной сферой обслуживания. С жителями из числа мигрантов их связи не такие устойчивые: они реже общаются с предпринимателями и «коричневыми воротничками» из числа мигрантов, с дворниками, а с «иноэтничными» домохозяйками иногда даже конфликтуют (рис. 3).

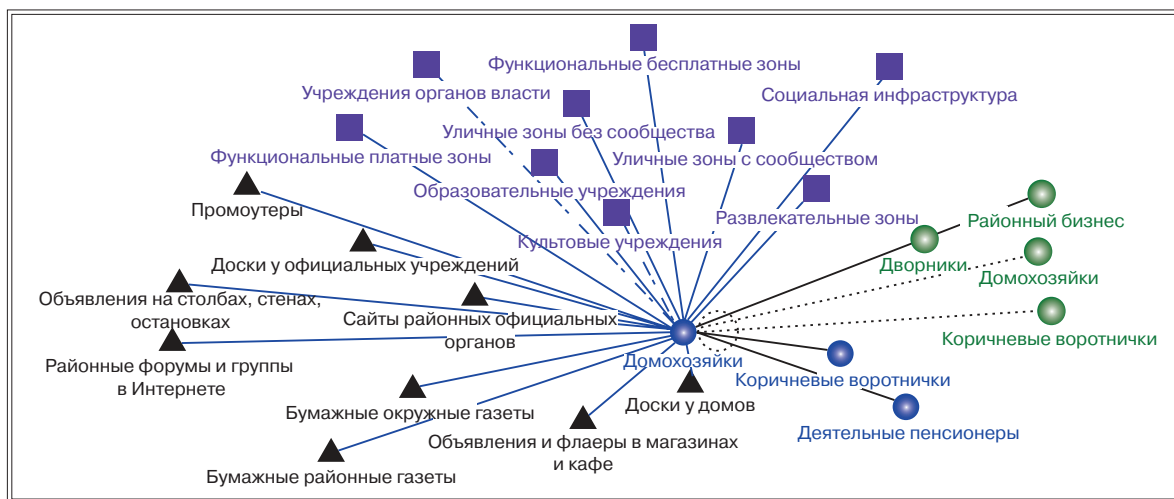

Рис. 3. Домохозяйки как тип «местных жителей»

О плотности связей между представителями этого типа свидетельствует высокая скорость распространения среди них информации:

Сколько ни клеишь объявлений «курсы английского от шикарного преподавателя» — их срывают, их не читают, только если яркая картинка — ее заметят и все. Но стоит одной маме в детском саду сказать, что мой ребенок занимается в таком-то кружке — вся группа у нас. Ну не вся, но половина. Это называется сарафанное радио. Сарафанное радио в Капотне работает на первом месте.
(Кап-004)

Такой родительский социальный капитал обеспечивает не только высокую «информатизацию», но и возможность кооперации и доступ к другим видам капитала. Например, родители, живущие рядом, могут забирать с занятий не только своих детей, но и детей своих соседей:

*Р: Мы [детей на занятия] приводим, на три часа оставляем.
И: Три часа что делаете?*

Р: Я в основном привожу, потом муж забирает. Сейчас объединяются: кто-то один забирает детей сразу, привозит сюда [на автобусную остановку].

И: Да, это удобно.

Р: Да, потому что там есть люди, у которых маленькие дети, поэтому стараемся попеременно так.

И: И есть те, кто живет рядом?

Р: Да, просто так получается, что из нашего района много кто туда ездит, поэтому объединяемся.

(Интервью rg6_2015_013)

Районный социальный капитал «домохозяек» позволяет им получать доступ к ресурсам друг друга, например, одалживать друг у друга деньги:

Ж. рассказала, что она из Владивостока, живет в Москве лет 15, в разных районах. <...> Она в районе имеет «полный комплект» друзей, точнее, подруг, других мам. Знакомилась с ними через практики, связанные с ребенком. Они выручают ее, в том числе могут одолжить денег до зарплаты.

(Дневник rg6_2015_d39_2804)

Для этого типа жителей длительность проживания в данном районе не имеет большого значения: даже те, кто переехал в район недавно, быстро интегрируются через детскую инфраструктуру.

И: А как друзья появились?

Р: Сначала коляски катали вместе, как у всех мамочек. То есть сначала в песочнице знакомилась.

(Интервью rg4_2015_031)

Мамы-«домохозяйки» много времени проводят на территории района, гуляя с детьми или перемещаясь с ними между разными занятиями и кружками, и внимательно смотрят на доски объявлений, стенды с афишами и прочие уличные носители информации. Кроме того, они пользуются сетью Интернет, чтобы находить информацию и обмениваться советами, идеями.

Последние шесть лет, как вышла замуж, — живет с мужем в Кунцево. <...> Про район узнавала через Интернет, разыскивая там всю нужную информацию: где ближайший магазин, например. Газету не читала — говорит, ничего там ей не казалось интересным, пару раз полистала; вот если бы картинки были поярче, а то ведь такой старый формат. И сейчас если ищет какую-то информацию — где погулять в Кунцево, например, — то делает это в Интернете.

(Дневник rg6_2015_d39_2804)

«Местные» мамы-«домохозяйки» успешно включаются в районное сообщество через участие в «детских» институтах: часто бывают на детских площадках, водят детей в школу, детский сад, на дополнительные занятия. Они интенсивно обмениваются друг с другом информацией на темы, связанные с детьми, не только офлайн, но и в сети Интернет. Сама позиция домохозяйки с детьми предполагает активное вовлечение в районную жизнь независимо от того, проживает ли она в этом районе с рождения или переехала из другого района Москвы или региона России.

«Мигранты»: «дворники»

Дворник — это, пожалуй, наиболее тиражируемый образ мигранта, транслируемый в СМИ. Кроме того, это парадоксальный тип жителя: он много времени проводит в районе, регулярно видит жителей дома, за территорию которого отвечает, но тем не менее слабо интегрирован в районную социальную жизнь (рис. 4). Дворники мало с кем общаются, кроме своих коллег

(которые часто являются их родственниками), мало где бывают, ни к каким районным каналам коммуникации не подключены. В целом в районе они находятся скорее «физически», тогда как эмоционально и ментально связаны со странами происхождения, где находятся члены их семей. Они отправляют большую долю заработной платы на родину в семью, в Москве расходуют деньги только по необходимости: прежде всего, на еду, жилье, связь.

«Дворник» работает, живет и проводит свободное от работы время в одном районе. Он может пользоваться тем жильем, которое предоставляет работодатель (общежитие), или снимать жилье самостоятельно. В Кунцеве есть как минимум два общежития, где и живут дворники, работающие в этом районе. В Капотне до недавнего времени дворники также жили в общежитии, расположенном в одном из кварталов, однако в связи с конфликтом, произошедшим в общежитии в 2013 г., переехали в соседний район, откуда теперь ездят на работу на велосипедах. У дворников плотный график работы, в связи с чем выходные дни они преимущественно посвящают решению бытовых проблем (стирка, закупка продуктов в супермаркетах). Ниже приводится отрывок из дневника, описывающий одного из представителей этого типа районных жителей:

В Москве он с 2007 г., последние четыре года в Кунцеве, приехал в район на стройку, потом стройка закончилась и он стал дворником. В районе вообще оказался по приглашению «техника», с которой он начал работать в другом районе и которая пришла сюда работать и позвала его с собой. У него в Узбекистане семья: жена и трое детей, старший кончил колледж. Жена никогда не приезжала в Москву. Каждый год на два-три месяца ездит домой. На это время начальство или он сам подбирают человека на его место; проблем с этим, видимо, не возникало, — значит, циркуляция неплохая. Живет в общежитии. <...> С ним в комнате живут трое молодых узбеков из Каракалпакстана (тоже Узбекистан). С ними он тут познакомился — а кроме, говорит, ни с кем в Москве не знакомился. Есть друзья из кишлака, живущие в Москве на разных станциях метро (от станции «Ленинский проспект» до станции «Спортивная»), но с ними общается только по телефону. Лично с ними встречается дома, в Узбекистане. Работает на этом участке (два подъезда) 15 дней, до этого работал у пятиэтажки рядом. Разницы в отношении людей к нему и между собой не заметил. В ДК никогда не был, но «раз вы рассказали — схожу». Про «Ашан» знает от соседей своих молодых, которые, видимо, гуляют по району или по Москве больше него. Ему «уже», говорит, незачем гулять по Москве, он уже типа стар. Раньше вот гулял, когда только приехал. В «Ашан» собирается сходить в воскресенье. А так в свободное время стирается, моется и смотрит телевизор, фильмы по НТВ. В общежитии ни с кем не общается из других комнат. <...> На новости и проблемы района ему в общем наплевать — говорит, нет времени. Новости узнает из телевизора.
(Дневник pr6_2015_d6_1002)

Рис. 4. Дворники как тип жителей-мигрантов

Круг общения «дворника» ограничен земляками и родственниками, которые либо живут вместе с ним (например, дворник может жить с супругом/супругой или с соотечественниками), либо в других московских районах, и в этом случае они видятся один раз в 1–2 месяца. От них же он получает новую информацию, а кроме того, смотрит телевидение и новостную ленту в сети.

Наши новые знакомые — киргизы, живут в общежитии на [название улицы]. Беседа шла в основном с А, мужчиной лет сорока, так как он лучше всех изъяснялся по-русски и, главное, понимал русскую речь. М, жена А, на вид ей не больше тридцати лет. Они семейная пара, прибыли пять лет назад из Оша в Москву, устроились дворниками и поселились в общежитии. С работой помог друг-земляк, живущий на другой станции метро, видятся с ним нечасто, примерно 1–2 раза в два месяца. Дома с бабушками и дедушками остался маленький сын.
(Дневник rg6_2015_d24_0203)

...

И1: С кем еще в комнате живете?

Р1: Ну, их нет сейчас. Они на работе.

И1: Они тоже из Молдовы все?

Р1: Да.

И1: Вы как так? Почему так получилось?

Р1: Ну потому что все родственники, поэтому.

И1: А-а-а, вы родственники даже. Ничего себе.

Р1: Да, поэтому. Все поэтому собрались в одной комнате.

И1: А, ну да. Так удобнее.

Р1: Знаем друг друга и поэтому.

(Дневник rg6_2015_d17_2002)

И1: С кем живете в комнате?

Р1: С женой.

И1: Жена тоже здесь? А где она работает?

Р1: Также со мной.

И1: А дети? Дети с кем остались?

Р1: С бабушкой.

И1: Бабушка воспитывает?

Р1: Ну, а что делать? Жизнь такая.

(Дневник rg6_2015_d17_2002)

Рабочий день дворника разделен на две части: первая часть работы завершается до полудня, после чего следует длительный перерыв на обед, за которым — вторая часть рабочего дня. Определенная территория может быть закреплена за одним дворником на протяжении нескольких лет; управляющие компании могут меняться, а он остается. Кроме того, дворники ищут дополнительные источники заработка, подрабатывая, например, уборкой коммерческих помещений в районе.

И1: А здесь дворником где работаете?

Р1: Вот здесь на Партизанской.<...>

И1: А там ТСЖ или компания, что там вообще?

Р1: Сейчас не разберешь, как, кто, что.

И1: Ну кто зарплату-то платит?

Р1: Ну вот их ждем. Какая-то фирма другая будет.

И1: Фирма другая все-таки?

Р1: Поменялась, да.

И1: Она называлась управляющая компания или ТСЖ?

Р1: Управляющая была.

И1: Управляющая. А сейчас будет что?

Р1: Сами не знаем.

И1: Еще непонятно. Ну в деньгах-то вы не потеряли?

Р1: Вот пока еще не знаем. Да что там платят? Шесть тысяч за каждый подъезд.

И1: Вы успеваете, да? Сколько часов в день вы работаете?

Р1: Ну, как сколько, с пяти утра выходит. И вот до двенадцати. С двенадцати до двух — обед. И опять до пяти.

(Дневник rg6_2015_d17_2002)

Летом в выходные дворники не только решают бытовые вопросы, но и отдыхают в зеленых зонах района или недалеко от него. В Кунцеве дворники ходят с друзьями готовить шашлыки в ближайший лес, в Капотне отдыхают на берегу р. Москвы. Местные жители далеко не всегда знакомы с дворниками, которые работают возле их домов:

И: А вы дворников, например, своих знаете?

Р1: Ну так, примерно, показываются иногда.

И: В лицо просто знаете, да?

Р1: Ну, лицо, а чего их не знать-то, они все на одно лицо.

И: Ну не было такого, да, чтобы с ними познакомиться?

Р1: А чего с ними знакомиться? Знакомиться еще будем с ними. Как им, «привет-привет» ору и всё, проходишь мимо.

И: Ну как бывает, один и тот же человек, ты мимо него ходишь там пять лет.

Р1: «Здравствуй» — и пошёл дальше. А так чтобы вникали — у них своя работа, у нас — своя.

(Интервью rg6_2015_48)

Истории установления крепких дружеских отношений между «мигрантами-дворниками» и жителями домов (немигрантами) относятся к разряду исключительных. Возникновению таких отношений мешает, среди прочего, слабое владение русским языком. Тем не менее они появляются. Например, одна из пенсионерок в Капотне рассказывала, что однажды вышла из дома и увидела, что женщина-«дворник», с которой они всегда здоровались, прихрамывает. Расспросив, что случилось, пенсионерка предложила ей мазь. Воспользовавшись мазью, женщина-«дворник» выздоровела и в благодарность приготовила местной жительнице плов.

В целом «дворники» — это слабо интегрированная в район группа, обладающая для этого хорошим потенциалом. Ментально они «находятся» в стране происхождения, но много времени проводят в московском районе и в принципе относятся с любопытством к происходящему рядом с ними — особенно это касается молодых людей.

Средства коммуникации: районная газета

До 2015 г. в каждом районе Москвы существовала своя газета, которая распространялась в бумажном виде по почтовым ящикам жителей. Начиная с 2015 г. бумажные версии «официальных» районных газет отменили, перенесли их в Интернет. Из бумажных газет остались окружные печатные издания, в которых «агрегируются» новости всех районов, а также районные издания разной степени независимости: это могут быть газеты, издаваемые активистами или же учреждениями культуры. «Официальные» районные газеты тесно аффилированы с районными управами, поэтому повестка дня в них максимально «нейтральная» и даже скорее «позитивная», а материалы с полемическим потенциалом в таких газетах не появляются. Публикации посвящены прошедшим встречам чиновников с жителями, культурным и спортивным событиям, раскрытым преступлениям и т.д. Коммерческая реклама в этих газетах практически не встречается. Созданием статей для газеты занимаются люди, далеко не всегда тесно связанные с районом: материалом для публикаций становятся официальные новости, которые «спускают» сверху. Таким образом, характер движения сообщений в этих «официальных» газетах — вертикальный: раздела «письма читателей» в таких газетах нет. Тем не менее районные газеты — важный источник локальной информации, собирающий и распространяющий сведения о предстоящих районных событиях, работе учреждений культуры и прочей районной инфраструктуре (рис. 5). Кроме того, бумажная районная газета была важным символическим ресурсом, который регулярно попадал во все почтовые ящики района: чтобы его получать, не нужно было прилагать особых усилий.

Отмена бумажной версии газеты и перенос ее в Интернет в наибольшей степени повлияли на группу ее основных читателей — жителей старшего возраста, поскольку далеко не все из них активно пользуются Интернетом.

И: А газета есть районная? Читаете?

Р: Когда опускают — читаю.

И: Вот сейчас, говорят, газеты больше не будут опускать.

Р: Не будут? Вот и я что-то давно не вижу. А чего они не выпускают, очень интересно.

И: Получается, что они их отменили.

Р: Да? А я смотрю, что что-то их нету. Приехала с дачи, смотрю — их нет. Зря отменили, потому что, все-таки, события районные — это интересно.

И: Они сказали, что будут в Интернете делать, но Вы же, наверное, не пользуетесь Интернетом?

Р: Интернетом я-то не пользуюсь, а сын пользуется <...> А я-то и не знаю, как правильно включать. <...> Мы отсталые люди в этом деле.

И: Вот в том-то и проблема, потому что получается, что районные новости теперь можно узнать только через Интернет, на сайте управы... Ну а вот как еще узнаете, кроме газет, новости района?

Р: Ну вот если тут повесят что-то, почитаю, там, новости управы, что-то собирают...

И: То есть, получается, единственное, что осталось, это вот эти доски?

Р: Доски, да, всего-навсего. А вот зря они не выпускают газету. Газетка интересная была.

(Интервью rg6_2015_001)

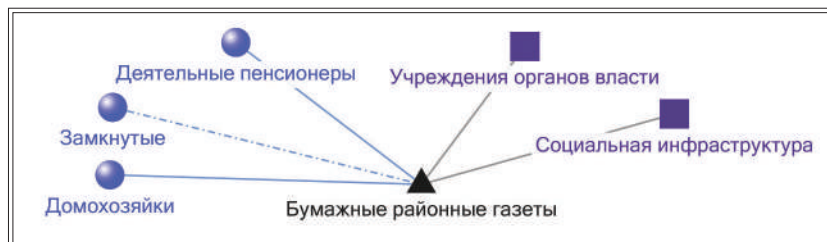

Рис. 5. Районные газеты как средство коммуникации

«Замкнутые» жители, и раньше не проявлявшие большого интереса к районным новостям, в результате закрытия печатного выпуска газеты лишаются одного из немногих средств районной коммуникации, поскольку в силу возраста тоже не всегда умеют пользоваться Интернетом и не готовы этому учиться. Третий тип читателей бумажной районной газеты — домохозяйки — пострадает меньше всего, поскольку легко переключится на другие средства коммуникации в районе.

Общественные пространства: уличные зоны с сообществами

Уличные зоны с сообществами — это те пространства, где в одно и то же время встречаются люди, которые между собой знакомы (или знакомятся) и имеют общие темы для разговоров. Доступ в эти пространства открыт (не требуется ни членства в этих сообществах, ни вступления в обязательные денежные обмены), взаимодействия в них не регламентированы или слабо регламентированы, но в них присутствуют сообщества. Примеры пространств этого типа — детские площадки, где общаются родители на тему детей, образовательных учреждений, кружков и дополнительных занятий; спортивные площадки как пространства общения людей, увлеченных здоровым образом жизни и непосредственно спортом; дворы как пространства соседей; гаражи как «мужские» пространства; а также собачьи площадки, где собираются собаководы (рис. 6).

Гаражи — это пространства, где собираются практически исключительно мужчины, владеющие автомобилем и заинтересованные в обсуждении технических нюансов или просто в «мужском» общении. Сюда относятся не «народные гаражи» или отдельно стоящие гаражи-

ракушки, а только «классические» гаражные кооперативы, представляющие собой многочисленные ряды гаражей. В Капотне в таких гаражных кооперативах появляются неформальные автосервисы. В случае, если, как это было в Кунцеве, гаражи сносят, сообщество прекращает существование:

Р2: А встречались на автостоянке, все вопросы решали к вечеру через магазин.

И: Автостоянка — это которая у стадиона, да?

Р2: Да. <...>

И: Который «Народный гараж», что ли?

Р2: Да, ну вот на месте этого «Народного гаража», там была автостоянка.

<...>

И: А вы говорите, что раньше все вопросы решались на автостоянке и через магазин?

Р2: Нет, ну все новости обсуждали вечером там. <...> Там большая стоянка, все приходили, все разные по должностям. Кто возвращался с Чечни, проблемы там, ну там же разные люди были все на стоянке.

(Интервью rg6_2015_49)

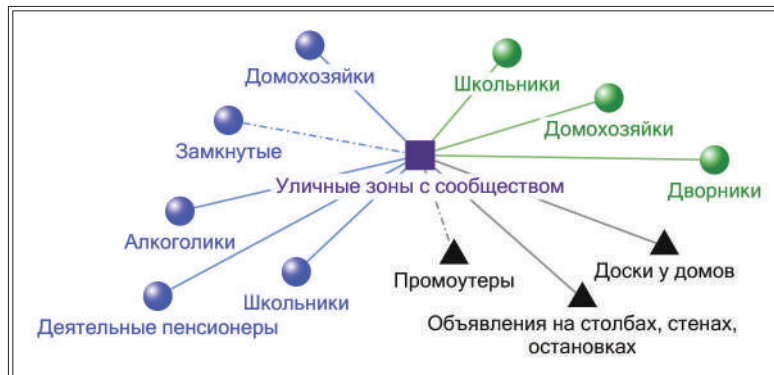

Рис. 6. Уличные зоны с сообществами как районное общественное пространство

Наиболее очевидные сообщества в пространствах этого типа можно обнаружить, пожалуй, на собачьих площадках. В одно и то же время, минимум один раз в день, там собираются владельцы собак, причем существует разделение пространства площадок и времени их посещения в зависимости от размера собаки. Собаководы обсуждают своих питомцев и горячие темы, такие как появление в их районах догхантеров, причем распространяется эта информация практически мгновенно: эта сеть очень эффективна в плане передачи сообщения.

Мужчина 60 лет. В районе живет с 1980 г., с тех пор как женился. Родился в Москве, в одном из восточных районов. На востоке, где он жил, они и на субботники ходили, и в праздниках принимали участие, и привыкли здороваться друг с другом. И вот он приезжает в район в 1980-х. И, не ходя на субботники, не состоя ни в каких ячейках, просто начинает знакомиться с соседями, с людьми, которых встречает недалеко от дома. Была, так сказать, соответствующая культура. Затем, в 90-х, соседи начали разъезжаться. А новые на приветствия уже реагировали не так, как в советское время. В результате с нынешними соседями он толком так и не познакомился. Только с теми, у которых есть собаки. Потому что он собачник. <...> Вся Полоцкая и бульвар делятся на территории для больших и маленьких собак, и это пространственно-временные истории. Сейчас, например, он знал, что идти надо в эту часть бульвара, потому что в это время здесь гуляют большие собаки. Знакомится ли он с собачниками? Да. Пил ли он с кем-то из них чай? Нет. Знает, что есть сплоченная группа собачников. <...> Собачников своего дома он знает по собачьим делам. Иллюстрацией этого стал следующий эпизод: женщина прошла с собакой, он удержал свою собаку. Они поздоровались. Она, говорит, из моего дома. Из новых. Познакомились только в тот момент, когда она завела собаку.

(Дневник rg6_2015_d38_2004)

...

И: А как вообще, вы, получается, собачников хорошо знаете? Общаетесь как-то вот?

Р: Ну, нормально. Встретимся так, поздороваемся там. Перекинешься иногда словами. Нормально, люди хорошие все. Вот здесь вот гуляют, там в лесу ходят. Вот так вот или там на площадке. Ну, площадку хорошо бы еще построить рядом для маленьких собак. <...>

И: А откуда узнаете какую-то информацию про район, что вообще происходит?

Р: В основном, когда летом хожу в парк, то там вот объявления всякие висят, с людьми общаемся. Вот тут, кстати, собак стали опять травить, тоже узнали друг от друга. Начали надевать намордники им.

И: А что-то делали против людей, которые травят собак?

Р: Знаете, первый раз я заметила, когда стали травить, это возле дороги такие внизу эти вот роют, прокладывают всякие коммуникации, сверху закрывают. На люках очень много — вот такой высоты было всякой отравы с едой набросано. Но люди гуляли, сразу распространилось, сразу рассказали друг другу, все уже буквально на следующий день знали, что туда ходить нельзя. И потом только через два дня убрали все это.

(Интервью rg6_2015_012)

Уличные пространства с открытым доступом и наличием сообществ — идеальные площадки для интеграции, если этому процессу не мешают этнические границы. Как будет показано ниже, детские площадки эффективно функционируют в качестве пространств для интеграции внутренних «русских» мигрантов, однако их эффективность для интеграции иноэтничных мигрантов снижается в разы.

Заключение

Выше дано описание социальной карты района, представляющей собой граф, вершинами которого являются социальные группы («местные» и «мигранты»), общественные пространства и средства коммуникации. Детально описана методология ее создания, включающая сбор и анализ данных, кратко охарактеризованы ее вершины, а также в качестве примеров представлены четыре описания ее вершин и исходящих из них связей. Эта карта была создана в качестве основы для работы над интеграционной концепцией территории, ключевым элементом которой является указание на необходимость организации взаимодействий между разными группами «местных» и «мигрантов». На основе концепции были организованы интеграционные практики, подробнее о которых можно прочесть в других публикациях авторов [Варшавер, Рочева, Иванова, 2017; Рочева, Варшавер, Иванова, 2017; Varshaver, Rocheva, Ivanova, 2017]. Здесь следует подробнее остановиться на том, как именно карта указала на необходимость проведения тех или иных мероприятий.

Наиболее характерным примером мероприятия, сконструированного в ходе работы над картой и по результатам ее анализа, стала серия кулинарных мастер-классов, организованных для «местных» и «мигрантских» домохозяек. Несмотря на то, что обе эти группы «видны», в частности, гуляют с детьми на детских площадках, коммуникация между ними может быть охарактеризована как нерегулярная или отсутствующая. Наблюдение в этих общественных пространствах и дополнительные интервью продемонстрировали, что коммуникация действительно «сломана». Это связано с негативными стереотипами в отношении мигрантов у «местных» домохозяек, а также с низким уровнем владения русским языком и, как следствие, нерешительностью в общении у «мигранток». В результате в одном из местных кафе была организована серия мастер-классов, на которых «местные» и «мигрантки» учили друг друга готовить различные блюда. Замер эффекта этих мероприятий показал, что мастер-классы способствовали интенсификации «межэтнической» коммуникации и формированию «смешанного» сообщества. По сходной логике — в процессе исследования и в результате анализа социальной карты — были сконструированы и организованы другие практики, в частности «Живая библиотека», устанавливавшая контакт между «школьниками» и «дворниками», а также «Интеркультурный футбол», способствовавший коммуникации между «дворниками», «школьниками» и «ночующими» мужского пола. Кроме того, были сконструированы, но не были реализованы и другие мероприятия и практики, в частности установление связей между «мигрантами-

школьниками» и «местными» «деятельными пенсионерами». Последние могли бы помогать делать детям-мигрантам уроки и в целом транслировать «местную» культуру. Социальная карта, таким образом, оказалась эффективной в качестве инструмента изменения жизни в районе в связи с тем, что ее создание позволило формализовать районную жизнь до совокупности вершин и связей между ними и выявить возможные направления для точечного воздействия.

Вместе с тем можно говорить о том, что эта карта, а точнее подход, используемый при ее создании, является действенным способом описания «пространственно-социальной ткани» — микроструктур, организующих поведение и формирующих установки людей. В частности, лишь немного изменив выделяемые вершины, можно переописать район на предмет интеграции местного сообщества вне связи с иноэтничными мигрантами. Хорошей иллюстрацией такой возможности стала описанная выше ситуация, в которой пенсионерка (социальная группа «замкнутые»), узнающая новости о мероприятиях в Доме культуры (общественное пространство «социальная инфраструктура») посредством районной газеты (одноименное средство коммуникации), с упразднением бумажной версии газеты оказалась выключенной из районной жизни. Можно утверждать, таким образом, что данная карта является и результатом исследования, и теоретико-методологическим подходом, который может способствовать реализации других исследовательских дизайнов, тематически далеких от районной проблематики.

Социальную карту следует рассматривать одновременно как инструмент и отчуждаемый результат исследований, дополняющий арсенал городской антропологии, которой порой не хватает способов анализа данных и формализации выводов по результатам работы. Социальная карта — это удобный способ организации полевых данных, поскольку она позволяет коротко описать результаты интервью (притом что его текст также может стать объектом анализа), а также визуально представить некоторые значимые аспекты социальных отношений для анализа (можно еще раз упомянуть пример с упразднением районных газет). Социальная карта — это удобный способ представить результаты исследования пространственно-социальной единицы в удобной для читателя форме с выходами на создание сложных мультимедийных интерактивных интерфейсов. Кроме того, социальная карта — это возможная основа для изменения, необходимость которого очевидна в рамках «левой» теоретической повестки дня городской антропологии.

Одновременно с этим, несмотря на несовершенства созданной карты, а именно недоописанность некоторых вершин и связей, а также относительно сырой графический язык, можно предположить, что именно такие группы, средства коммуникации и общественные пространства существуют в московских окраинных районах и именно так они связаны между собой. Генерализация этого описания до московского района в целом может быть осуществлена на основе будущих исследований, однако можно говорить о том, что карта, представленная в настоящем исследовании, — важный шаг на этом пути.

Литература

- Бредникова О., Запорожец О. (2016) Ветер, усталость и романтика ночи (об особенностях новых жилых массивов) // *Лабораториум*. № 2. С. 103–119.
- Будина О.Р. (2001) Город Пошехонье: сегодняшний день российской провинции // *Этнографическое обозрение*. № 3. С. 42–60.
- Варшавер Е., Рочева А. (2016) Интеграция мигрантов: что это и какую роль в ее осуществлении может играть государство // *Журнал исследований социальной политики*. Т. 14. № 3. С. 315–330.
- Варшавер Е.А., Рочева А.Л., Иванова Н.С. (2017) Интеграция мигрантов на местном уровне: результаты научно-практического проекта // *СоцИс*. (В печати.)
- Варшавер Е.А., Рочева А.Л., Иванова Н.С. (2016) Гид по социальной карте района. Результаты социологического исследования в двух районах Москвы / Центр исследований миграции и этничности. Режим доступа: https://www.academia.edu/30645765/Гид_по_социальной_карте_района (дата обращения: 25.12.2016).
- Вирт Л. (2005) Урбанизм как образ жизни // *Избранные работы по социологии*. М.: ИНИОН РАН.
- Глазков К. (2015) Ментальные карты: ограничения метода и образ «чужого» в малом городе // *Лабораториум*. № 3. С. 106–117.
- Дюркгейм Э. (1994) Самоубийство: социальный этюд. М.: Мысль.

- Зиммель Г. (2002) Большие города и духовная жизнь // Логос. Т. 3/4. № 34.
- Латур Б. (2014) Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Парк Р. (2002) Город как социальная лаборатория // Социологическое обозрение. Т. 2. №3. С. 3–12.
- Рочева А., Варшавер Е., Иванова Н. (2017) Детские площадки как пространства интеграции мигрантов // Вопросы образования. (В печати.)
- Шанин Т. (1998) Методология двойной рефлексивности в исследованиях современной российской деревни // Социологический журнал. № 3/4. С. 101–116.
- Ковалев Е.М., Штейнберг И.Е. (2009) Качественные методы в полевых социологических исследованиях. СПб.: Алетейя.
- Юдин Г., Павлюткин И. (2015) Сообщество как данность и сообщество как процесс: стратегии изучения малых городов // Лабораториум. № 3. С. 88–105.
- Brapa-Shute G. (1979) On the Corner: Male Social Life in a Paramaribo Creole Neighborhood. Van Gorcum Limited. Vol. 22.
- Brettell C.B. (2005) The Spatial, Social, and Political Incorporation of Asian Indian Immigrants in Dallas, Texas // Urban Anthropology and Studies of Cultural Systems and World Economic Development. P. 247–280.
- Broadway M. (1990) Meatpacking and its social and economic consequences for Garden City, Kansas in the 1980s // Urban Anthropology and Studies of Cultural Systems and World Economic Development. Vol. 19. No. 4. P. 321–344.
- Campa A. (1990) Immigrant Latinos and Resident Mexican Americans in Garden City, Kansas: Ethnicity and Ethnic Relations // Urban Anthropology and Studies of Cultural Systems and World Economic Development. Vol. 19. No. 4. P. 345–360.
- Carmona M. (2010) Contemporary public space: Critique and classification, part one: Critique // Journal of Urban Design. Vol. 15. No. 1. P. 123–148.
- DeSena J.N., Krase J. (2015) Brooklyn Revisited: An Illustrated View from the Street 1970 to the Present // Urbanities. Vol. 5. No. 2. P. 3–19.
- Gagné N. (2004) Maori Identities and Visions: Politics of Everyday Life in Auckland, New Zealand. Режим доступа: <https://www.mysciencework.com/publication/show/4e153ec5f12c8525755ed400bce8042d> (дата обращения: 25.12.2016).
- Geertz C. (1973) The Interpretation of Cultures. N. Y.: Basic.
- Jacobs J. (1961) The Uses of Sidewalks: Safety // The City Reader. P. 114–118.
- Matejskova T., Leitner H. (2011) Urban Encounters with Difference: The Contact Hypothesis and Immigrant Integration Projects in Eastern Berlin // Social & Cultural Geography. Vol. 12. No. 7. P. 717–741.
- Olson P. (1982) Urban Neighborhood Research Its Development and Current Focus // Urban Affairs Review. Vol. 17. No. 4. P. 491–518.
- Pardo I., Prato G.B. (2016) Anthropology in the City: Methodology and Theory. Routledge.
- Park R.E. (1936) Succession, an Ecological Concept // American Sociological Review. Vol. 1. No. 2. P. 171–179.
- Peters K. (2011) Living Together in Multi-ethnic Neighbourhoods: The Meaning of Public Spaces for Issues of Social Integration. Wageningen Academic Pub.
- Philipsen G. (1975) Speaking "Like a Man" in Teamster-ville: Culture Patterns of Role Enactment in an Urban Neighborhood // Quarterly Journal of Speech. Vol. 61. No. 1. P. 13–22.
- Prato G.B., Pardo I. (2013) Urban Anthropology // Urbanities. Vol. 3. No. 2. P. 80–110.
- Sanjek R. (1990) Urban Anthropology in the 1980s: World View // Annual Review of Anthropology. Vol. 19. P. 151–186.
- Skoll G.R., Korstanje M. (2013) The Role of Art in Two Neighborhoods and Responses to Urban Decay and Gentrification // Cultural Anthropology. Vol. 81. P. 81–103.
- Spissu G. (2015) Ostranenie in Cape Town // Urbanities. Vol. 5. No. 1. P. 21–37.
- Strauss A., Corbin J. (1998) Basics of Qualitative Research: Techniques and Procedures for Developing Grounded Theory. Sage Publications, Inc.
- Susser I. (2012) Norman Street: Poverty and Politics in an Urban Neighborhood. Oxford University Press.
- Tönnies F. (2002) Community and Society / C.P. Loomis (transl. and ed.). Mineola, N.Y.: Dover Publications.
- Varshaver E., Rocheva A., Ivanova N. (2017) Migrant Integration Practices on the Local Level: Development, Execution and Evaluation // Urban Studies and Practices Journal. (In print.)
- Warner W.L. (1963) Yankee City. New Haven: Yale University Press.
- Whitehead T.L. (2005) Basic Classical Ethnographic Research Methods // Cultural Ecology of Health Change.
- Zhou M., Logan J.R. (1989) Returns on Human Capital in Ethnic Enclaves: New York City's Chinatown // American Sociological Review. Vol. 54. No. 5. P. 809–820.
- Zorbaugh H.W. (1983) The Gold Coast and the Slum: A Sociological Study of Chicago's Near North Side. University of Chicago Press.

Приложение

Типология общественных пространств

Тип пространства	Пример пространства	Степень регламентированности взаимодействий: 0 — не регламентированы 1 — средне регламентированы 2 — жестко регламентированы	Необходимость денежных отношений: 0 — нет необходимости 1 — есть необходимость	Доступ: 0 — есть ограничения по доступу 1 — нет ограничений по доступу	Наличие сообщества жителей: 0 — нет 1 — возможно, есть, возможно, нет 2 — точно есть
Уличные зоны без сообщества	Парк, зеленая зона	0	0	1	0
	Променад, бульвар	0	0	1	0
	Берег реки	0	0	1	0
	Улица	0	0	1	0
Уличные зоны с сообществом	Детская площадка	0	0	1	1
	Спортивная площадка	0	0	1	1
	Двор	0	0	1	1
	Гараж	0	0	1	1
	Собачья площадка	1	0	0	2
Функциональные платные зоны	Парикмахерская, салон красоты	2	1	1	0
	Магазин, мастерская ремонта	2	1	1	0
	Учреждения коммерческой медицины	2	1	1	0
Функциональные условно бесплатные зоны	Банк, нотариус, адвокат	2	0	1	0
	Торговый центр	1	0	1	0
	Почта	2	0	1	0
	Кладбище	1	0	1	0
	Станции (ж/д, метро, автобусные)	1	0	1	0
	Транспортный узел	1	0	1	0
	Управляющая компания и ЖЭКи	1	0	1	0
	Рынок	1	0	1	0
	Учреждения бюджетной медицины	2	0	1	1

Тип пространства	Пример пространства	Степень регламентированности взаимодействий: 0 – не регламентированы 1 – средне регламентированы 2 – жестко регламентированы	Необходимость денежных отношений: 0 – нет необходимости 1 – есть необходимость	Доступ: 0 – есть ограничения по доступу 1 – нет ограничений по доступу	Наличие сообщества жителей: 0 – нет 1 – возможно, есть, возможно, нет 2 – точно есть
Социальная инфраструктура	Учреждения культуры (ДК, Центр досуга, библиотеки)	1	0	1	2
	Социальная служба (Центр социального обслуживания, Центр социальной помощи семье и детям)	1	0	0	2
	Общественная организация (партии, совет ветеранов, Общество слепых и т.п.)	1	0	1	2
Зоны развлечений за деньги	Кинотеатр	1	1	1	0
	Кафе	1	1	1	1
	Спортивный зал, фитнес-клуб	1	1	1	1
	Общественные бани	1	1	1	1
Образовательные учреждения	Образовательное учреждение (школа, детский сад, университет, училище, беби-клуб)	1	0	1	2
Учреждения органов власти	Управа	2	0	1	0
	Полиция	2	0	1	0
Культовые учреждения	Культовые учреждения	2	0	1	2

E. VARSHAVER, A. ROCHEVA, N. IVANOVA

NEIGHBORHOOD SOCIAL MAP

AS AN URBAN RESEARCH TOOL

References

- Brana-Shute G. (1979) On the Corner: Male Social Life in a Paramaribo Creole Neighborhood. *Van Gorcum Limited*, vol. 22.
- Brednikova O., Zaporozhec O. (2016) Veter, ustalost' i romantika nochi (ob osobennostyah novyh zhihlyh massivov) [Wind, Fatigue and the Romance of the Night (about the Features of New Residential Areas)]. *Laboratorium*, no 2, pp. 103–119.
- Brettell C.B. (2005) The Spatial, Social, and Political Incorporation of Asian Indian Immigrants in Dallas, Texas. *Urban Anthropology and Studies of Cultural Systems and World Economic Development*, pp. 247–280.
- Broadway M. (1990) Meatpacking and its Social and Economic Consequences for Garden City, Kansas in the 1980s. *Urban Anthropology and Studies of Cultural Systems and World Economic Development*, vol. 19, no 4, pp. 321–344.
- Budina O.R. (2001) Gorod Poshekhon'e: segodnyashnij den' rossijskoj provincii [The Poshekhonye: Today the Russian Province]. *Ehtnograficheskoe obozrenie*, no 3, pp. 42–60.
- Campa A. (1990) Immigrant Latinos and Resident Mexican Americans in Garden City, Kansas: Ethnicity and Ethnic Relations. *Urban Anthropology and Studies of Cultural Systems and World Economic Development*, vol. 19, no 4, pp. 345–360.
- Carmona M. (2010) Contemporary Public Space: Critique and Classification, Part One: Critique. *Journal of Urban Design*, vol. 15, no 1. pp. 123–148.
- DeSena J.N., Kruse J. (2015) Brooklyn Revisited: An Illustrated View from the Street 1970 to the Present. *Urbanities*, vol. 5, no 2, pp. 3–19.
- Dyurkgejm E. (1994) Samoubijstvo: social'nyj ehtyud [Suicide: A Social Study]. Moscow: Mysl'.
- Gagné N. (2004) Maori Identities and Visions: Politics of Everyday Life in Auckland, New Zealand. *My Science Work*. McGill University, Jan 01. Available at: <https://www.mysciencework.com/publication/show/4e153ec5f12c8525755ed400bce8042d> (accessed 25.11.2016).
- Geertz C. (1973) *The Interpretation of Cultures*. New York: Basic.

Authors

Evgeni Varshaver, MA in Sociology, MA in Government Studies, Senior Research Fellow, Russian Presidential Academy for National Economy and Public Administration; of. 2105, 84 korp. 3, Prospect Vernadskogo, 119571 Moscow, Russian Federation.

E-mail: varshavere@gmail.com

Anna Rocheva, MA in Sociology, Research Fellow, Russian Presidential Academy for National Economy and Public Administration; of. 2105, 84 korp. 3, Prospect Vernadskogo, 119571 Moscow, Russian Federation.

E-mail: anna.rocheva@gmail.com

Nataliya Ivanova, BA in International Relations, Research Fellow, Russian Presidential Academy for National Economy and Public Administration; of. 2105, 84 korp. 3, Prospect Vernadskogo, 119571 Moscow, Russian Federation.

E-mail: nataliya.ivanova.0709@gmail.com

Abstract

Urban anthropology that has been rapidly developing recently in Russia has its methodological soft spot that is data analysis and formalization of conclusions. Research results often remain as first-order textual descriptions without transition to the analytical generalizations. This article suggests a tool that is able to diversify the methodological toolbox of urban anthropology: the neighborhood social map. It was developed and tested in the course of the research of two outlying areas of Moscow (Kapotnya and Kuntsevo) conducted in 2014–2015 on the topic of migrant integration on the local level that included 170 interviews and 86 field diaries. The social map is not a conventional map as it does not depict an area but represents a graph with types of dwellers, neighborhood spaces and means of communication in the neighbourhood. The social map demonstrates which types of dwellers – “migrants” or “locals” – are present in the neighborhood, with whom they socialize, which means of communication and spaces they use. The social map served as a basis for the development of the integration concept for Moscow’s outlying neighborhoods and a series of integration practices. The social map is, therefore, not only an instrument for data analysis and presenting research results, but also a basis for social policy making. The authors describe in detail the research methodology, the fieldwork and analysis that resulted in the creation of the social map. They conclude by discussing how this instrument could be further incorporated into urban research.

Key words: urban anthropology; research methodology; neighborhood research; social map; graph; migrant integration

- Glazkov K. (2015) Mental'nye karty: ogranicheniya metoda i obraz "chuzhogo" v malom gorode [Mental Maps: Limitations of the Method and the Way "alien" in a Small Town]. *Laboratorium*, no 3, pp. 106–117.
- Jacobs J. (1961) The Uses of Sidewalks: Safety. *The City Reader*, pp. 114–118.
- Kovalev E.M., Shtejnberg I.E. (2009) Kachestvennye metody v polevyh sociologicheskikh issledovaniyah [Qualitative Methods in Sociological Field Research]. SPb.: Aletejya, 2009.
- Latur B. (2014) Peresborka social'nogo: vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu / I. Polonskaja (transl.); S. Gavrilenko (ed.) [Reassembling the Social. An Introduction to Actor-Network-Theory]. Moscow: HSE.
- Matejskova T., Leitner H. (2011) Urban Encounters with Difference: The Contact Hypothesis and Immigrant Integration Projects in Eastern Berlin. *Social & Cultural Geography*, vol. 12, no 7, pp. 717–741.
- Olson P. (1982) Urban Neighborhood Research Its Development and Current Focus. *Urban Affairs Review*, vol. 17, no 4, pp. 491–518.
- Pardo I., Prato G.B. (2016) Anthropology in The City: Methodology and Theory. Routledge.
- Park R.E. (1936) Succession, an Ecological Concept. *American Sociological Review*, vol. 1, no 2, pp. 171–179.
- Park R. (2002) Gorod kak social'naya laboratoriya / S. Bankovskaya (transl.) [The City as a Social Laboratory]. *Sociologicheskoe obozrenie*, vol. 2, no 3, pp. 3–12.
- Peters K. (2011) Living Together in Multi-ethnic Neighbourhoods: The Meaning of Public Spaces for Issues of Social Integration. Wageningen Academic Pub.
- Philipsen G. (1975) Speaking "Like a Man" in Teamsterville: Culture Patterns of Role Enactment in an Urban Neighborhood. *Quarterly Journal of Speech*, vol. 61, no 1, pp. 13–22.
- Prato G.B., Pardo I. (2013) Urban Anthropology. *Urbanities*, vol. 3, no 2, pp. 80–110.
- Rocheva A., Varshaver E., Ivanova N. (2017) Detskie ploshchadki kak prostranstva integracii migrantov [Playgrounds as Spaces for the Integration of Migrants]. *Voprosy obrazovaniya*. (In print)
- Sanjek R. (1990) Urban Anthropology in the 1980s: A World View. *Annual Review of Anthropology*, vol. 19, pp. 151–186.
- Shanin T. (1998) Metodologiya dvojnoj refleksivnosti v issledovaniyah sovremennoj rossijskoj derevni [The Methodology of Double Reflexivity in Studies of Contemporary Russian Village]. *Sociologicheskij zhurnal*, no 3/4, pp. 101–116.
- Skoll G.R., Korstanje M. (2013) The Role of Art in Two Neighborhoods and Responses to Urban Decay and Gentrification. *Cultural Anthropology*, vol. 81, pp. 81–103.
- Spissu G. (2015) Ostranenie in Cape Town. *Urbanities*, vol. 5, no 1, pp. 21–37.
- Strauss A., Corbin J. (1998) Basics of Qualitative Research: Techniques and Procedures for Developing Grounded Theory. Sage Publications, Inc.
- Susser I. (2012) Norman Street: Poverty and Politics in an Urban Neighborhood. Oxford University Press.
- Tönnies F. (2002) Community and Society / C.P. Loomis (transl. and ed.). Mineola, N.Y.: Dover Publications.
- Varshaver E., Rocheva A. (2016) Integraciya migrantov: chto ehto i kakuyu rol' v ee osushchestvlenii mozhet igrat' gosudarstvo [Integration of migrants: what role can the government play in its implementation]. *Zhurnal issledovaniy social'noj politiki*, vol. 14, no 3, pp. 315–330.
- Varshaver E., Rocheva A., Ivanova N. (2017) Migrant Integration Practices on The Local Level: Development, Execution and Evaluation. *Urban Studies and Practices Journal*. (In print.)
- Varshaver E.A., Rocheva A.L., Ivanova N.S. (2017) Integraciya migrantov na mestnom urovne: rezul'taty nauchno-prakticheskogo proekta [Integration of Migrants on the Local Level]. *Socis*. (In print.)
- Varshaver E.A., Rocheva A.L., Ivanova N.S. (2016) Gid po social'noj karte rajona. Rezul'taty sociologicheskogo issledovaniya v dvuh rajonah Moskvy [Guide to the Social Map of the Area. The Results of a Sociological Study in Two Districts of Moscow] / Centr issledovaniy migracii i ehtnichnosti. Available at: https://www.academia.edu/30645765/Gid_po_social'noj_karte_rajona (accessed 25.11.2016).
- Virt L. (2005) Urbanizm kak obraz zhizni [Urbanism as a way of life]. *Izbrannye raboty po sociologii*. Moscow: INION RAN.
- Warner W.L. (1963) Yankee City. New Haven: Yale University Press, 1963.
- Whitehead T.L. (2005) Basic Classical Ethnographic Research Methods. *Cultural Ecology of Health Change*.
- Yudin G., Pavlyutkin I. (2015) Soobshchestvo kak danost' i soobshchestvo kak process: strategii izucheniya malyh gorodov [Community as a Reality and as a Community Process: Strategies to Explore Small Towns]. *Laboratorium*, no 3, pp. 88–105.
- Zhou M., Logan J.R. (1989) Returns on Human Capital in Ethic Enclaves: New York City's Chinatown. *American Sociological Review*, vol. 54, no 5, pp. 809–820.
- Zimmel' G. (2002) Bol'shie goroda i duhovnaya zhizn'. *Logos*, vol. 3/4, no 34.
- Zorbaugh H.W. (1983) The Gold Coast and The Slum: A Sociological Study of Chicago's Near North Side. University of Chicago Press.